

Цветаева Марина Ивановна 10.10.96.

«Русская мысль» — Париж. — 1996 —

10-18 окт. — с. 15

Марина Цветаева: парижский симпозиум

К годовщине со дня рождения поэта

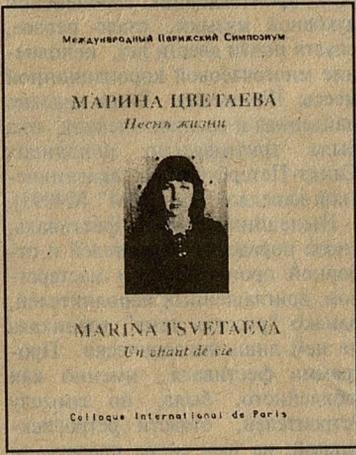
Впечатление, мысль, которую выносите из этой книги: Марине Цветаевой, наверное, меньше, чем кому-либо из русских поэтов XX века, грозит хрестоматийный глянец. Напряженное звучание самого ее имени до сих пор тревожит нас — настолько, что даже каламбурчики А. Вознесенского насчет буквы “ц” (помещенные в материалах симпозиума в виде текста под названием “Центробедственность”) начинают приобретать резон. В сущности, верно пишет один из авторов сборника Ирма Кудрова в статье “Контрасты Марины Цветаевой”: “Она обнаруживает собственную страстную эмоциональность — ту самую, которая обеспечила ее поэзии множество недоброжелателей. Как и все другие свойства этой лирики, эмоциональный накал ее явлен в столь крайнем пределе, что его принимает и делит лишь читатель и критик той же органики, того же природного склада. Другие, даже и восхитившись поначалу талантом, не почувствовать который трудно, быстро переходят на позиции снисходительного превосходства. Одни начинают толковать о дурном вкусе, другие — о невоспитанности и несдержанности, о «нарочитой взвинченности» и натужном «воспарении»”.

К Цветаевой очень бы подошли слова, сказанные в свое время С. Аверинцевым о другом поэте: “Положительно, без темных лучей вражды спектр того ореола, в котором является нам мандельштамовская поэзия, неполон”. Эта цитата окажется особенно кстати, если мы вспомним своеобразную “вражду” Цветаевой и Мандельштама (к сожалению, в нашем сборнике лишь мимоходом затрагивается эта “оппозиция”); как и тема “Цветаева — Рильке”, без которой на парижском симпозиуме все-таки нежелательно было обходиться). Вообще “антицветаевская” (по выражению того же Мандельштама) линия, если бы она была представлена в сборнике, отнюдь не выглядела бы лишней или кощунственной. Однако даже статья Л. Мнухина “Отношения с Г. В. Адамовичем” посвящена как раз опровержению остроты взаимного неприятия поэта и критика.

Зная сегодняшнее состояние книгоиздательского дела в эмиграции, мы не будем нарочито удивляться, почему материалы Международного симпозиума в Сорбонне, посвященного 100-летию Цветаевой, выходят лишь четыре года спустя. Кстати, на Западе не только Парижский, но и Норвичский, Лозаннский и другие университеты отметили этот юбилей.

Парижский сборник, включающий статьи на русском, французском и английском языках, состоит из пяти разделов: “Страницы биографии”, “На краю смерти”, “Язык. Стиль. Стих”, “Поэтический мир” и “Публикации”. В последний вошли любопытнейшие материалы: протоколы допросов М. Цветаевой в министерстве внутренних дел Франции в связи с “делом Рейсса” и участием в нем С. Эфрона (публ. и комм. В. Лосской); письмо поэта Андре Жиду (с обоснованием собственных переводов на французский пушкинских стихов, отвергнутых журналом “Нувель Ревю Франсез”, — публ. и комм. Е. Эткинда); письмо французской писательнице Анне до Ноай (публ. и комм. Н. Струве); стихи Цветаевой на

французском (в сборнике есть отдельная статья Е. Эткинда “Марина Цветаева — французский поэт”); поразительные дневниковые свидетельства последнего полугодия жизни во Франции “Записи на бульваре Пастер”: итог ее парижского пути (публ. и прим. Е. Коркиной).

Многообразие проблем цветаеведения продиктовало составителям сборника как его объем, так и показанную выше композицию. “Биографический” раздел повествует об отношениях Цветаевой с С. Эфроном (А. Саакянц, В. Швейцер; авторы статей о Сергее Эфроне резонно настаивают на том, что его личность и судьбу нельзя ограничивать фактом и периодом сотрудничества с НКВД), кн. С. Волконским (Н. Катаева-Лыткина), Пастернаком (Е. Коркина), М. Слонимом и Б. Зайцевым (Д. Десанти), Ахматовой — об их *не-встрече* (В. Лосская). Особое место в разделе занимает очерк Ю. Ключкина “Цветаевский Париж”. Дом за домом, шаг за шагом прослежена французская одиссея Цветаевой, начавшаяся в 1909 году Латинским кварталом, “головокружительной свободой”, Бонапартом, Сарой Бернар и кончившаяся ровно через тридцать лет энкаведешной опекой в парижской гостинице “Иннова”.

Меньше других впечатляет раздел “На краю смерти”. Смерть, по нашему глубокому убеждению, не может быть темой симпозиумов, смерть Цветаевой — в особенности. И редакторы книги не ошиблись бы, изменив название одной из статей “Смерть как подвиг” на какое-нибудь другое. Статья известной французской исследовательницы творчества Цветаевой и Ахматовой Вероники Лосской “Перед лицом Творца” с чрезвычайно интересным выводом: “Цветаевский Бог — Он, ах-

матовский Бог — Ты”, — тоже, однако, не оказалась свободной от настораживающих гипотез: “Несомненно, трудно представить себе иной конец жизни Цветаевой, чем тот, о котором всем известно, так же, как нельзя и подумать, чтобы Ахматова наложила на себя руки. Но это уже другая тема”. Эту другую тему, я думаю, закрыла пражанка Г. Ванечкова в статье “Поэтический символ”: “Утверждение «мифотворчества» и «героизации» смерти Цветаевой (вспомните ее последние записки и все бытовые обстоятельства страшного, трагического факта) — это онтологическая неправда. Ведь конец в Елабуге — голая безысходность и ясно продуманный шаг: стремление помочь Георгию, надежда, что без нее он уже не будет сыном эмигрантки”. Даже если это и не полная правда, пусть она останется таковой. Здесь гораздо более допустимо умолчание, чем избыточность предположений.

В собственно литературоведческих разделах глубокие филологические прозрения соседствуют со статьями, пишущимися для симпозиумов или “просто так”. Последних, впрочем, совсем немного, и они не нарушают общего тона сборника, даже если это милые фрейдистские зарисовки, растолковывающие читателю одно сновидение семнадцатилетней Марины.

Тематика этих разделов: словотворчество и мифотворчество Цветаевой, роль отражений и двойничества в ее поэзии, сюжетная и стилистическая эзотерика ее прозы, театральная эстетика, символистские архетипы в цветаевском самосознании, черты европейского модернизма в ее творчестве (а Цветаеву совершенно справедливо считают одним из самых европейских поэтов России) и т. д.

И наконец — не названные до сих пор авторы и комментаторы: О. Ревзина, Л. Зубова, С. Синьорини, Л. Фейлер, С. Ельницкая, А. Смит, И. Шевеленко, Э. Анри, Ж. Бонамур, М. Этьен, Е. Лубяникова, М. Белкина, Г. Горчаков, А. Копрживова-Вуколова, Э. Краковская.

...А может быть, и хорошо, что выход материалов Парижского симпозиума так отдален от самого симпозиума? В случае Цветаевой не скоро наступят времена, когда интерес к ней будет лишь юбилейной данью.

МАНУК ЖАЖОЯН

Санкт-Петербург

242

Марина Цветаева. Песнь жизни. Международный Парижский симпозиум. Под ред. Е. Эткинда и В. Лосской. Париж, ИМКА-Пресс, 1996.